

ТЕОРИЯ И **И**СТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И **П**РАВА

И. Д. Левин

СУВЕРЕНИТЕТ

Теория и история государства и права

Иосиф Левин

Суверенитет

«Юридический центр»

2003

УДК 342.3
ББК 67.400

Левин И. Д.

Суверенитет / И. Д. Левин — «Юридический центр»,
2003 — (Теория и история государства и права)

<p id=" __GoBack">Настоящая монография написана одним из виднейших отечественных государствоведов прошлого века и посвящена сложнейшей из проблем государственного права и международной политики – проблеме суверенитета. Книга выделяется в ряду изданий, посвященных данной теме, своей фундаментальностью и широтой охвата подходов к разным аспектам суверенитета. Понятие суверенитета трактуется автором как состояние полновластия государства, связанное с монополией и концентрацией властного принуждения в рамках государства. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

УДК 342.3
ББК 67.400

© Левин И. Д., 2003
© Юридический центр, 2003

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Часть I. Сущность суверенитета	14
Глава 1. Возвышение и падение суверенитета в буржуазной науке права	14
1	14
2	18
3	23
6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Иосиф Левин

Суверенитет

© И. Д. Левин, 2003

© С. А. Авакьян, предисловие, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей монография принадлежит Иосифу Давыдовичу Левину – одному из виднейших отечественных государствоведов прошлого века. На его судьбе отразилось время – его взрослая и тем более научная жизнь приходится на советский период отечественной истории, он был человеком своей эпохи, если судить по публикациям – добро-совестно служил существовавшей идеологической системе. Система нередко ломала людей, обвиняла их в мыслимых и немыслимых прегрешениях, порой выискивая в обычных научных позициях «политические ошибки». Это И. Д. Левину пришлось испытать на себе. Но в общем и целом можно сказать, что он оставил себя во времени, поскольку научное начало в творчестве И. Д. Левина, по необходимости обильно сдобренное идеологическими пассажами, не заслоняется ими и остается главной ценностью.

Сказанное особенно относится к монографии «Суверенитет», изданной в 1948 г. и посвященной одной из сложнейших, интереснейших проблем государственного права, международного права, политики, неоднозначно трактовавшейся до автора, самим И. Д. Левиным, а также в последующие годы, наконец – и в наше время. И все же в ряду изданий, посвященных теме суверенитета, книга И. Д. Левина выделяется своей фундаментальностью, с одной стороны, авторских подходов, с другой – широтой охвата (обзора) подходов к разным аспектам суверенитета зарубежных ученых – предшественников и современников автора.

Многие десятилетия И. Д. Левин работал в Институте государства и права Академии наук СССР. Автор предисловия, работая в журнале «Советское государство и право» (1965–1968 гг.), располагавшемся в здании института, конечно, видел И. Д. Левина и многое знал о нем как о великолепном ученом и эрудированном человеке. Можно было бы как-то найти повод пообщаться с И. Д. Левиным, но не так просто молодому человеку подойти к мэтру. К тому же он был не очень здоров, не расположен к общению, не часто появлялся в институте. В общем, как говорится, не судьба.

При подготовке этого предисловия удалось посмотреть в архиве института личное дело И. Д. Левина.

Иосиф Давыдович Левин родился в 1901 г. в Варшаве в семье бухгалтера (в последующем в своих анкетах он писал – «из мещан»). Затем семья переезжает в Одессу, с 1917 г. И. Д. Левин – в Москве. В 1911 г. он поступает в классическую гимназию, оканчивает ее в 1918 г... Весной 1919 г. поступает на факультет общественных наук МГУ, осенью того же года переходит на историко-филологический факультет и оканчивает его философское отделение в 1922 г. В 1923 г. снова поступает на факультет общественных наук, его историческое отделение, но через год уходит оттуда, поскольку начинает заниматься самостоятельной научной работой.

В тексте автобиографии, имеющейся в его личном деле и относящейся к 1935 г., И. Д. Левин указывает, что он знает многие языки – немецкий, французский, английский, итальянский, испанский, польский, чешский, болгарский, греческий, латынь, арабский, персидский, турецкий, татарский, тюркский, узбекский, таджикский, украинский и белорусский.

В 1926 г. И. Д. Левин поступает в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР в качестве консультанта методического отдела. С 1927 г. работает в Коммунистической Академии в качестве ученого секретаря Комиссии по изучению национального вопроса. В 1930 г., когда Комиссия волилась в Институт советского строительства и права, переходит туда. В 1930–1940 гг. старший научный сотрудник института, в последующем преобразованного в Институт права, позже – Институт государства и права АН СССР. С 1940 г. – заведующий сектором государственного и административного права, с 1941 г. – государственного права, далее опять старший научный сотрудник – до конца работы в Институте остается на этой должности в разных секторах (с учетом реорганизаций, расширений и т. д.).

В 1935 г. И. Д. Левин получает степень кандидата государственных и правовых наук, в 1939 г. – доктора юридических наук. Параллельно преподает в Московском юридическом институте и в 1947 г. получает звание профессора.

И. Д. Левин является автором большого количества научных работ. По нашим подсчетам, только опубликованных трудов у него не менее 110 (в 1930-1950-х гг. к научным трудам относили и то, что написано, но не опубликовано).

Не утратили актуальности его монографии: «Национальный вопрос в послевоенной Европе» (1934); «Суверенитет» (1948), «Современная буржуазная наука государственного права. Критика основных направлений» (1960). И. Д. Левин – соавтор многих коллективных монографий. Он отмечает в своих автобиографиях, что был автором и редактором известного (можно даже сказать – печально известного) учебника по советскому государственному праву 1938 г. под редакцией А. Я. Вышинского. Кроме того, являлся соавтором и соредактором учебника «Советское государственное право»

1948 г.

В 1970 г. И. Д. Левин выходит на пенсию, и его научной деятельности в области права с этого времени до кончины (1984 год) не прослеживается. Правда, обнаружилось, что одновременно с правом И. Д. Левин занимался и философией, в 1994 г. Ю. И. Левин опубликовал трехтомник его философских изысканий (М. Радикс).

Что касается монографии «Суверенитет», предлагаемой вниманию читателя, в ней автор проявляет себя как государствовед, теоретик права и государства, историк и в определенной мере, как сказали бы сегодня, политолог. И. Д. Левин – прежде всего, блестящий знаток предмета. Его эрудиции можно лишь позавидовать.

Как уже было сказано ранее, И. Д. Левин творил в духе своей эпохи, когда было естественным требование к научному сочинению в идеологических науках (а право было одной из них) критиковать западных ученых как идейных, политических противников. Кстати, и он оказался жертвой – когда в 1948–1949 гг. «громили» так называемый космополитизм как угодничество Западу и некритическое перенесение на советскую почву взглядов западных ученых, И. Д. Левин и его позиции по поводу суверенитета (в книге, статьях, стенограммах публичных лекций) тоже оказались объектом критики, и автору пришлось печатать покаянную статью (Левин И. Д. К вопросу о сущности и значении принципа суверенитета // Сов. государство и право. 1947. № 6).

Оставляя в стороне так называемый классовый подход к суверенитету, при котором реально речь идет скорее о характере власти, отметим, что И. Д. Левин трактует суверенитет как состояние полновластия государства, связанное с единством государственной власти, монополией или концентрацией властного принуждения в руках государства и неограниченностью государственной власти. Первый и второй факторы, конечно же, совершенно справедливо оттенены автором и снимают вопрос о возможности действия кого-то еще как представителя суверенитета (этот тезис автора, кстати, и был предметом критики Вышинского, считавшего, что кроме государства принуждение могут применять и другие организации господствующего класса). Третий фактор противоречив, поскольку неограниченность государственной власти вроде бы нельзя отрицать, если она сама себя не забывает ограничить законом, справедливостью, гуманизмом. Но в том-то и дело, что это зависит от конкретных государств и государственной власти.

Что касается суверенитета как внутреннего проявления, толкуя его как отношения между государством и гражданами, И. Д. Левин хотел, вероятно, показать, что подлинный суверенитет может быть в государстве рабочих и крестьян, которое единственно и способно воплотить настоящий суверенитет. Но отсюда получалось, что по внутренним факторам речь может идти о способности государства иметь или не иметь суверенитет, причем в зависимости также и от экономического фундамента. В ситуации, когда формировался третий мир и СССР был заин-

тересован в укреплении своего влияния, такой подход к суверенитету правящая элита вряд ли могла приветствовать. Поэтому фактор внутренних условий (политических и экономических) суверенитета не был поддержан.

Собственно, оставляя идеологические мотивы в прошлом, отметим, что и сегодня надо говорить о суверенитете как о состоянии государства. По принципу собственности и внутренней способности управлять своими делами многие страны мира вряд ли могли бы претендовать на то, чтобы называться суверенными, но официально они таковыми являются.

Остается заметить, что многие положения книги, касающиеся соотношения государственного и народного суверенитета, самоопределения и суверенитета, суверенитета в федеративном государстве, рассмотренные автором с общетеоретических позиций и с учетом реалий того времени, в определенной мере будут интересны современному читателю.

*С. А. Авакъян,
заведующий кафедрой
конституционного и муниципального права
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

Введение

Понятие суверенитета является важнейшим, кардинальным понятием государственного и международного права. Наиболее насущные проблемы государственного и международного права – вопросы о самой сущности этих отраслей права, об отношении международного права к национальному праву, о юридической природе международной организации, о носителе высшей власти в государстве, о «разделении властей», о природе союзного государства, о пределах власти государства – все эти вопросы самым непосредственным и органическим образом связаны с проблемой суверенитета, а их разрешение – с решением проблемы суверенитета.

Однако роль принципа суверенитета отнюдь не исчерпывается одним лишь его значением для теории права.

Из всех юридических принципов суверенитет является наиболее *политическим*. Дело не только в прямой связи проблемы суверенитета с проблемой о сущности, носителе и пределах политической власти, но и в значении принципа суверенитета в самой политике господствующих классов государств – как внутренней, так и внешней. Теоретические и юридические споры и дискуссии вокруг проблемы суверенитета неизбежно приобретают яркую политическую окраску. Развивавшиеся еще до Второй мировой войны в кабинетах ученых, абстрактно формальные, по видимости, девственно «чистые» теории суверенитета (например, отрицание суверенитета «чистой теорией права» венской формации) получают вполне конкретное политическое применение, служа определенным политическим интересам. В борьбе сил реакции и империализма, с одной стороны, и сил демократии – с другой, характеризующей послевоенный этап развития международных отношений, сталкиваются диаметрально противоположные политические и юридические концепции суверенитета.

В буржуазных государствах теперь о суверенитете говорят с парламентских трибун, дискутируют на международных конференциях, пишут в газетах, имеющих миллионные тиражи, и в общераспространенных журналах, выступают на радио. Все это в достаточной мере говорит о том, насколько животрепещущей является тема суверенитета. Лейтмотивом всех этих выступлений можно назвать тезис о том, что суверенитет – безнадежно «устаревший» принцип, что его надо сдать в архив или подвергнуть решительному пересмотру, тезис о необходимости отказа, полного или частичного, от суверенитета как «мешающего» разрешению насущных экономических и политических проблем, тезис о необходимости освободиться от «безумия» суверенитета. Суверенитет-де мешает установлению дела мира. Суверенитет-де мешает экономическому восстановлению Европы. Суверенитет-де мешает установлению контроля над производством атомного оружия. Эти мотивы звучат в выступлениях таких глашатаев и оруженосцев современного империализма, как Черчилль, Эттли и Бевин, Мак Нейл и Идеи, Блум и Спаак, Никольсон и Ласки, и многих других. Из этих мотивов складываются сладкозвучные мелодии на тему о «мировом правительстве», «мировом парламенте», соединенных штатах мира, соединенных штатах Европы, «объединенной» Европе и т. д. и т. п.¹ Это пение сирен привлекает неискушенных людей, фантазеров и пацифистов, превращая их в невольное орудие политических планов, ничего общего не имеющих с делом мира.

Подлинный смысл этих разговоров об «отмирании» суверенитета раскрывает та практика государств, для которой они должны служить «оправданием» и «теоретическим обоснованием».

---

¹ Обзор выступлений политических деятелей и буржуазных политических и юридических теорий дан в работах: *Коровина Е.* Борьба СССР за суверенитет. Учен. записки АОН. Вып. 1. М., 1947; *Федосеева.* Буржуазная социология о проблеме войны и мира // Большевик. 1946. № 22.

«План Маршалла», «доктрина Трумэна», контроль над экономикой различных стран под прикрытием контроля над производством атомного оружия, требования «открытых дверей» и «равных возможностей», оставляющих слабые в экономическом отношении страны беззащитными перед лицом экономической экспансии монополистического капитала, неумеренное пользование машиной голосования при разрешении международных вопросов, стремление к неоправданному расширению компетенции международной организации и, особенно, международного суда, который хотят превратить в орган, стоящий над Генеральной Ассамблеей, – этот перечень охватывает лишь небольшую часть попыток претворить в жизнь теорию об «отмирании» суверенитета. Он достаточно красноречиво говорит сам за себя. Речь идет о прикрытии империалистической экспансии монополистического капитала в условиях послевоенного обострения экономических и политических трудностей капиталистического мира.

Противники суверенитета ссылаются на то, что суверенитет – категория историческая, возникшая в определенных условиях и поэтому не могущая претендовать на абсолютную значимость. Так, журнал «Observer» в июле 1947 г., заявив, что «издавня установившаяся концепция абсолютного национального суверенитета является наиболее серьезным препятствием на пути спасения Европы», напоминает, что «суверенитет наций не является частью естественного права. Он был неизвестен античному миру и средним векам». Этот исторический экскурс должен убедить читателя в том, что пора суверенитета миновала. Марксистов не приходится с важным видом поучать, что суверенитет – категория историческая. Марксизм учит, что все общественные явления имеют исторический характер. Не только суверенитет, но и государство, нация, классы возникли в определенных исторических условиях и в будущем должны исчезнуть. Однако последнее предполагает для каждой из этих категорий явлений наступление соответствующих социально-экономических предпосылок. В условиях же современной стадии исторического развития отнюдь нельзя говорить об упразднении суверенитета. Напротив, суверенитет может, должен играть и действительно играет положительную роль в борьбе за прогресс и демократию.

Противники суверенитета указывают на историческую связь суверенитета (или как они любят выражаться: абсолютного суверенитета) с абсолютизмом XVII–XVIII вв. и отсюда делают вывод о его непригодности в совершенно иных условиях XX в. Марксистско-ленинская теория не собирается приукрашивать родословную суверенитета. Мы знаем, что государство возникло в связи с появлением частной собственности как орудие подавления эксплуатируемых, но это не помешало рабочему классу использовать созданное им государство высшего типа для ликвидации капиталистической частной собственности и эксплуатации. Вопрос о политическом значении суверенитета в настоящее время не может быть решен на основании оценки значения принципа суверенитета в XVI в. Несмотря на «любовь» к истории, критикуемая нами концепция является насквозь антиисторической. Она исходит из представления о том, будто принцип суверенитета оставался неизменным на протяжении веков. В действительности принцип суверенитета развивался и приспособлялся к изменяющимся социально-политическим условиям. Исторически принцип суверенитета возник в связи с развитием абсолютизма (который сам на определенной стадии играл прогрессивную роль по сравнению с предшествующей ему феодальной раздробленностью). Но вскоре, в форме народного суверенитета, он уже оказывается направленным против абсолютизма. Буржуазия, идя к власти, восприняла принцип суверенитета, несмотря на его абсолютистское происхождение, заполнив его новым классовым содержанием и придав ему новые формы.

Нет ничего удивительного в том, что буржуазия ныне отказывается от принципов, которыми она пользовалась, идя к власти. Суверенитет разделяет судьбу многих лозунгов, популярных в XVIII в. и ныне свергаемых с пьедестала как «отжившие свое время». Принцип государственного суверенитета как полновластия государства и его неограниченного правотворчества был нужен буржуазии, когда она завоевала власть в государстве и безмятежно пользовалась

монополией власти государства, но суверенитет стал не нужен буржуазии, когда возникла опасность использования полновластия государства другим классом против капиталистической собственности. Народный суверенитет был нужен буржуазии, когда она имела возможность говорить от имени еще безмолвствовавшего народа. Но народный суверенитет стал не нужен и опасен, когда народ стал выходить из повиновения. Национальный суверенитет был нужен буржуазии, когда она боролась за создание национальных государств, но он стал не нужен ей, когда она, в лице монополистического капитала крупных империалистических государств, ломает границы национальных государств и попирает права национальностей. Принцип суверенитета теперь становится знаменем борьбы этих национальностей против империалистической экспансии.

В настоящее время отношение буржуазии к принципу суверенитета уже не решает его судьбы. Выросли и окрепли новые социальные силы, подлинные представители прогресса, для которых суверенитет не пустой звук и не непосильная ноша. Это означает дальнейшее развитие принципа суверенитета, дальнейшие изменения как в содержании, так и в формах суверенитета. В этой способности к развитию, к изменениям в форме и содержании и проявляется подлинная жизнеспособность принципа суверенитета.

Противники суверенитета нередко прикрывают свое стремление к ликвидации суверенитета красноречивыми Филиппинами против «абсолютного» суверенитета². Но абсолютного суверенитета никогда не было и не могло быть. Это – категория метафизического порядка или плод воображения. Границы суверенитета существовали всегда; они определялись экономическими условиями, развитием международного общения государств и морально-политическими требованиями исторической эпохи. Эти границы изменялись вместе с изменением всех этих факторов.

Еще задолго до войны некоторые ретивые ликвидаторы суверенитета (например, венец Кунц) упрекали советскую концепцию, отстаивающую «устаревший» «реакционный» принцип суверенитета, в консерватизме. Такое обвинение в «отсталости» раздается и ныне с различных сторон. Но этим нельзя нас запугать. «О, да, – говорил А. Я. Вышинский на II Генеральной Ассамблее, в ответ на выступление Спаака против „реакционной и вышедшей из моды“ идеи суверенитета, – государственный суверенитет – реакционная идея, ибо он мешает „прогрессивному“ движению империализма, шествующего по миру с широко раскрытой пастью и с протянутыми далеко вперед хищными лапами... эту идею хотят вывести из моды, так как сильные капиталистические страны больше в ней не нуждаются, эти страны нуждаются в обратном: в уничтожении как идеи суверенитета, так и самого суверенитета других государств»³.

Когда речь идет об охране прав и свободы народов, Советский Союз и советская наука не боятся показаться кое-кому «консервативными». На деле эта позиция ничего общего не имеет с консервированием старого, отживающего. Мы не рабы догмы и не фетишисты формы суверенитета. Мы раскрываем реальное, развивающееся, изменяющееся содержание принципа суверенитета, соответствующее новым условиям общественной жизни как в международном, так и в национальном масштабе, требованиям прогрессивного развития человечества. Но именно поэтому советская наука не может уподобиться тем, кто в погоне за мнимой «ультра-новизной» выплескивает из ванны ребенка вместе с водой. «Новаторство отнюдь не всегда совпадает с прогрессом» (Жданов).

Выступая в защиту суверенитета и независимости государств, советская концепция суверенитета и международного права не отвергает таких начал, как принцип большинства, применение которого неизбежно в международной организации; не отвергает развития меж-

² Таковы, например, выступления Мак Нейли на II Генеральной Ассамблее 1947 г. – См. ответ проф. Коровина // Новое время. 1947. № 41.

³ Правда. 1947. 8 окт.

дународного правосудия и развития экономического сотрудничества между государствами, международного контроля над производством атомного оружия и т. п. Но она против того, чтобы эти моменты в международном развитии были использованы в политических целях, несовместимых с суверенитетом и независимостью миролюбивых народов – больших и малых. Речь идет об установлении таких политических и экономических отношений между народами, «когда их национальный суверенитет не страдает от чужестранного вмешательства»⁴ (Молотов).

Речь идет не о неограниченном произволе внутри государства и в международных отношениях, а о суверенитете, подчиненном принципу демократии как принципу внутригосударственной и международной политики.

В вопросе о суверенитете, как и в других вопросах, произошло размежевание между империалистическим, антидемократическим лагерем, с одной стороны, и антиимпериалистическим, демократическим лагерем – с другой.

Народы, ведшие непримиримую войну с гитлеровским «новым порядком» за утверждение своей государственной независимости, народы СССР, строящие коммунистическое общество в своей стране, народы, идущие по пути нового демократического развития и отстаивающие свое право самостоятельно устанавливать пути своего развития к социализму, трудящиеся массы западноевропейских стран, во главе с коммунистическими партиями отстаивающие национальный суверенитет против планов экономического и политического закабаления американским империализмом, угнетенные народы колоний, борющиеся за свою независимость и равноправие в семье государств, не могут не придерживаться другого, в корне отличного от империалистической концепции, взгляда по вопросу об актуальности или неактуальности идеи суверенитета.

Они видят в суверенитете действенное орудие борьбы за свободу. Борьба за национальный суверенитет является составной частью борьбы за демократию и международный мир. Эта борьба направлена не только против империалистической экспансии извне, но и против ее агентуры – внутренней реакции, прикрывающей свое национальное предательство разговорами об «устарелости» суверенитета. Уже опыт Второй мировой войны, так же как и опыт послевоенных лет, показал, что правящие классы ряда стран – в том числе и такой крупной державы, как Франция, – из страха перед собственными народными массами готовы продать суверенитет и независимость своих государств. Упразднение принципа суверенитета таким образом служит для одних прикрытием империалистической экспансии, а для других – прикрытием национального предательства.

Борьба за государственную независимость, за государственный суверенитет в современных условиях неразрывно связана с борьбой против «своих» двухсот семейств за подлинное народовластие, за народный суверенитет. Именно в этой борьбе народов и раскрываются положительный смысл и прогрессивное значение суверенитета на современном историческом этапе.

Принцип суверенитета воплощает морально-политические требования современной демократии. Эти требования реализованы в полном объеме в социалистическом государстве, в его внутренней и внешней политике, эти требования с необычайной силой сформулированы в трудах и выступлениях товарища Сталина, в выступлениях на международных конференциях товарища Молотова, они последовательно отстаивались советской дипломатией на международной арене⁵. В них подчеркивается:

---

⁴ Правда. 191(?)7. 3 июля.

⁵ Обзор актов Советского государства, ярко выражающих советскую концепцию суверенитета, дал в цитированной выше работе проф. Е. Коровин.

а) принцип государственного суверенитета, означающий полновластие и независимость государства;

б) принцип народного суверенитета, означающий верховенство народа в государстве как единственного законного и правомерного носителя верховной власти;

в) принцип национального суверенитета, включающий право наций на самоопределение, в частности право угнетенных народов колоний на полную и безоговорочную независимость;

г) совместимость суверенитета Союза с суверенитетом союзных республик как выражение братского сожительства наций в одном государстве на началах равноправия и добровольности;

д) совместимость суверенитета государств с международной организацией коллективной безопасности и ответственностью государства за агрессию как гарантия мирного сосуществования суверенных больших и малых государств на началах равенства и взаимного уважения прав и интересов. «Многие не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями. Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть» (Сталин)⁶.

В настоящем исследовании мы ставим своей задачей дать систематическое изложение и обоснование этих положений советской концепции суверенитета.

Эта концепция складывается в непримиримой и беспощадной борьбе с буржуазными теориями, которые, как это показано в следующей главе, – на различных этапах исторического развития, вначале в форме утверждения суверенитета, а затем в форме его отрицания, – верно служили классовым задачам буржуазии как во внутренней, так и в международной политике⁷.

---

⁶ Правда. 1948. 13 апр.

⁷ В данном ниже критическом обзоре буржуазных теорий наше внимание сосредоточено преимущественно на критике наиболее влиятельных в современном капиталистическом мире новейших зарубежных теорий (Кельзен, Ласки, Уиллоуби, Геллер и др.), а также тех «классических» учений, которые до сих пор служат теоретической основой буржуазной юриспруденции (Остин, Дайси, Дюги, Ориу и др.).

Часть I. Сущность суверенитета

Глава 1. Возвышение и падение суверенитета в буржуазной науке права

1

Принцип суверенитета был сформулирован в XVI в. и сразу же признан основным принципом государственной науки. Однако тут же вопрос о суверенитете стал предметом нескончаемых споров.

Буржуазная наука начала с безусловного утверждения принципа суверенитета. Суверенитет был первоначально определен как сама верховная власть государства. «Суверенитет, – говорит Бодэн, – есть постоянная и абсолютная власть государства».

Бодэн определяет суверенитет как высшую и свободную от законов власть над гражданами и подданными («*summa in cives et subditos legibusque soluta potestas*»)⁸, которая не может быть ограничена ни вышестоящей властью, ни законами, ни временем, власть неотчуждаемая, неизменная и не подлежащая давности. Такая власть является необходимой основой и атрибутом любого государства. Постоянство – необходимый признак суверенитета. Временный правитель, даже если ему предоставлена неограниченная власть, не может рассматриваться как обладатель суверенитета, в лучшем случае – лишь как хранитель власти. Признаком суверенитета является также полная ответственность перед кем бы то ни было⁹.

Эта точка зрения на суверенитет как на власть государства и, следовательно, необходимый признак государства остается в течение длительного времени господствующей в буржуазной науке.

В русской дореволюционной юридической науке взгляд на суверенитет как на необходимый признак государства развивали Шершеневич¹⁰, Палиенко¹¹, Ивановский¹² и др.

Во Франции на этой же точке зрения стоит Эсмен. Дюги, один из наиболее ярых противников принципа суверенитета, выдвигает в качестве определения суверенитета, отвечающего французскому положительному праву, формулу: «Независимая власть повелевать»¹³. И для основателя аналитической школы в Англии суверенитет сводится к той же высшей власти в государстве. По Остину, наиболее характерным и существенным в государстве является отношение суверенитета и подданства, т. е. положение суверена как высшей власти, с одной стороны, и положение подданных – с другой¹⁴. Эти традиционные теории отражали условия буржуазного господства в унитарном государстве.

Иная точка зрения на суверенитет в буржуазной науке была выдвинута германской юридической школой Лабанда – Еллинека. Наличие несuverенных государств в лице государств Германской империи вынудило этих теоретиков прусской гегемонии отказаться от взгляда на суверенитет как на сущность государственной власти. Под суверенитетом они понимают лишь

---

⁸ Bodinus. De Republica libri sex. Francoforti, 1594. P. 123 et al.

⁹ Bodinus. De Republica libri sex. Francoforti, 1594. P. 126.

¹⁰ Шершеневич. Общая теория права. 1910. С. 217.

¹¹ Палиенко. Суверенитет. Ярославль, 1903.

¹² Ивановский. Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 75.

¹³ Дюги. Конституционное право. М., 1908. С. 156.

¹⁴ Austin. Lectures on jurisprudence. 1914. Vol. I.

некоторое свойство или способность государственной власти. Так, по мнению Еллинека, «суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению»¹⁵. Смысл этой теории с циничной откровенностью раскрывает Трейчке, заявляя, что в Германии суверенной является лишь Пруссия, а другие «государства» несuverенны.

Большое место в спорах и разногласиях о суверенитете всегда занимал и вопрос о носителе суверенитета. Это вполне понятно, так как в этом вопросе с особой силой сталкиваются различные, часто исключаящие друг друга политические программы и концепции. Для Бодэна наиболее типичным носителем суверенитета, сувереном, обладающим характерными для суверенитета чертами – верховенством, постоянством, неограниченностью и абсолютностью – является абсолютный монарх: суверенитет, по Бодэну, как мы уже знаем, – это власть постоянная, а не предоставленная на срок, неограниченная и безусловная, а не предоставленная на определенных условиях и с ограничениями.

Но для Бодэна, как и для Гоббса, сувереном может быть любой высший орган государства – монарх, собрание представителей и даже народное собрание. Эти авторы, монархисты по своим симпатиям, вынуждены учитывать многообразие существующих политических форм. По Гоббсу, суверенной должна признаваться любая власть, фактически установившаяся и существующая в государстве. Хотя первоначальным источником суверенной власти является общественный договор, заключенный между членами общества, но поскольку передача власти состоялась без всяких условий и ограничений, общество, являющееся источником и причиной суверенитета, не может рассматриваться как носитель суверенитета. Волей общества надлежит считать волю существующей в обществе власти.

Блэкстон, отражая характерный для Англии компромисс буржуазии с дворянством в формах конституционной монархии XVIII в., рассматривает в качестве суверена английский парламент (т. е. короля, пэров и палату общин), которому приписывает неограниченную деспотическую власть. Факт избрания палаты общин несущественен, поскольку власть парламента является неограниченной и безусловной. Правда, при этом первый признак суверенитета – постоянство – реализован неполностью, в силу временного характера полномочий членов палаты общин. Но коррективом к этой срочности является право палаты (с согласия других частей парламента) устанавливать и продлевать сроки своих полномочий. Верховенство парламента, означающее прежде всего независимость от народа, становится догмой английского права, сформулированной Де-Лольмом в крылатой фразе о всемогуществе английского парламента: парламент все может – он не может лишь превратить мужчину в женщину и наоборот.

Руссо своим учением о народном суверенитете открывает новую главу в учении о суверенитете. Новизна учения Руссо заключалась не в самом принципе народного суверенитета. Если даже отвлечься от учения Марсилиа Падуанского и других средневековых авторов, которые вообще не оперируют еще новым понятием о суверенитете, все же нельзя упускать из виду, что и Гоббс, и Спиноза знают принцип народного суверенитета как принцип суверенной верховной власти в демократии, которая определяется как «всеобщее собрание людей, сообща имеющих верховное право на все, что оно может»¹⁶.

Однако имеется существенное отличие между постановкой вопроса о народном суверенитете у Гоббса и Спинозы, с одной стороны, и у Руссо – с другой. Для Гоббса и Спинозы принцип суверенитета логически вытекает из естественного закона и в нем находит свое обоснование через общественный договор. Но вопрос о носителе суверенитета решается ими не на основании естественного права, а на основании положительного права каждого государства, в зависимости от его формы правления: монархической, аристократической или демократиче-

¹⁵ Еллинек. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 352.

¹⁶ Спиноза. Богословско-политический трактат. М., 1935. С. 231–232.

ской¹⁷. Особенно отчетливо такой взгляд выражен у Гречия в его учении о «специальном субъекте» суверенитета, каковым может быть одно или несколько лиц «в соответствии с обычаями и законами каждой нации»¹⁸. Руссо же распространяет действие естественного закона и на вопрос о носителе суверенитета. Общественный договор, по Руссо, имеет лишь один результат, а именно установление суверенитета народа. Законным сувереном в государстве может быть и является только народ – носитель «всеобщей воли». Суверенитет есть осуществление всеобщей воли и только ее¹⁹. Не только абсолютная монархия, но и верховенство парламента по английскому образцу это, по Руссо, – узурпация прав народного суверенитета. «Английский народ считает себя свободным; он горько ошибается; он свободен только во время выборов членов парламента; как только они выбраны, он становится рабом, он – ничто. То применение, которое он делает из своей свободы в краткие моменты пользования ею, заслуживает того, чтобы он ее терял»²⁰. Положительное право регулирует лишь вопрос об «агентах» суверенной власти, т. е. об организации исполнительной власти, устанавливая либо монархическую, либо аристократическую форму. Что же касается демократической формы организации этой власти, то она была бы возможна лишь в обществе богов, ибо «такое совершенное правительство не годится для людей»²¹.

Различие между Гоббсом и Спинозой, с одной стороны, и Руссо – с другой, вытекает из различий в политической установке. Гоббс и в общем также Спиноза задаются целью объяснить существующее государство и обосновать его суверенные права. Поэтому они не ставят под вопрос исторически сложившиеся в тех или иных государствах формы, в частности и абсолютистские формы, которые в ту эпоху еще пользовались поддержкой буржуазии, нуждавшейся в сильной централизованной власти. Руссо же выступает с революционной программой, требующей приспособления строя и форм всех государств к принципу народного суверенитета, основанному на непререкаемом естественном праве.

Аристократической реакцией на учение о народном суверенитете было учение Гегеля о государственном суверенитете. Для Гегеля, идеолога прусской монархии, народный суверенитет, противопоставляемый суверенитету монарха, «принадлежит к разряду тех путанных мыслей, в основании которых лежит несчастное («wüste») представление *о народе*»²². Но интересы растущей прусской буржуазии, с которыми уже нельзя было не считаться, не мирятся с концепцией патримониального абсолютизма. Гегель не щадит стрел и против идеолога последнего – Галлера. Гегелевская монархия – это англазированная прусская сословно-бюрократическая монархия. Государственный суверенитет как суверенитет целого, суверенитет единства, с объявлением монарха «личностью государства»²³, дает необходимую гибкую формулу господства юнкерской прусской монархии, опирающейся на сословия, в том числе и на буржуазию.

От Гегеля ведет прямая линия к германской юридической школе, которая, как известно, стоит всецело именно на позиции государственного суверенитета. Различие между Гегелем и юридической школой непосредственно связано с известным различием в философских предпосылках. Гегелевский идеалистический панлогизм сменился идеалистическим же позитивизмом. В этом находит свое выражение усиление буржуазного элемента в германской теории права во второй половине XIX в. Для Гегеля носителем суверенитета является мировой разум,

¹⁷ Правда, Спиноза считает демократию наиболее «естественной формой» государства (Там же. С. 314), однако эта мысль не получает у него серьезного развития и не отражается на трактовке вопроса о формах правления в более позднем «Политическом трактате».

¹⁸ *Grotius. De jure belli ac pacis. Lib. I. Cap. III, VIII.*

¹⁹ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938. С. 21.

²⁰ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938. С. 82.

²¹ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938. С. 58.

²² Гегель. Философия права. М.; Л., 1934. С. 305.

²³ Гегель. Философия права. М.; Л., 1934. С. 304.

воплощенный в государстве. Для юридической школы государство – это юридическое лицо, действующее через свои органы. Юридическая школа делает решительный шаг в направлении юридизации понятия суверенитета. Государственный суверенитет направлен как против демократической теории народного суверенитета, так и, хотя и с гораздо меньшей остротой, против учений о суверенитете самого монарха. Теоретики этой школы не отрицают суверенных прав монарха как носителя высшей власти в государстве, однако они считают такие права принадлежащими монарху как органу государства, а не в силу права собственности или личного права, как учат Геллер или Зейдель. Впрочем, это отнюдь не мешает им конструировать институт монархического «носителя верховной власти», обладающего властью в силу его собственного права. В целом теория заострена именно против «опасности» народного суверенитета.

Эта юридическая теория государственного суверенитета восторжествовала по существу и во Франции Третьей республики. Однако здесь она эклектически сочетается с традиционными представлениями и теориями национального суверенитета путем отождествления государства и нации, которые, по мнению Карре де Мальбера, представляют собой «два лица одной и той же личности». Для Эсмена государство – это «юридическое олицетворение нации».

Эсмен и Карре де Мальбер могут рассматриваться как представители той французской теории, которая, признавая принцип государственного суверенитета, отождествляла его с национальным суверенитетом, отрицая возможность – по крайней мере, с точки зрения французского положительного права – различения государства и нации как двух суверенных юридических лиц, ибо это означало бы разделение суверенитета. Карре де Мальбер противопоставлял эту французскую доктрину творениям Лабанда, Еллинека, Майера, для которых государство отлично от нации, даже взятой в аспекте единого субъекта²⁴.

Вместе с тем французская школа (в лице Карре де Мальбера) видит в концепции государства – юридического лица – выражение правового характера государства. «Государство не сможет употребить свою власть в отношении граждан иначе, как тем способом, каким используют право, т. е. в соответствии с действующим правовым порядком».

Однако и французская доктрина не менее резко, чем германская, противопоставляет национальный суверенитет народному суверенитету. Народный суверенитет, по утверждению Карре де Мальбера, – это принцип неограниченной демократии, воплощенной в якобинской конституции 1793 г. Данный принцип означает, что верховная власть в государстве принадлежит всем гражданам, составляющим народ. Это предполагает: 1) всеобщее избирательное право, 2) народное голосование по конституционным вопросам, 3) всевластие народного представительства и т. п.

Этому революционному принципу народного суверенитета противопоставляется принцип национального суверенитета, воплощенного в монархической конституции 1791 г. и во всех французских конституциях XIX в. (кроме бурбонской хартии 1814 г.).

Карре де Мальбер видит сущность принципа национального суверенитета в том, что источником и носителем власти является нация как единое и неделимое целое, организованное в государстве. Этот принцип исключает принадлежность суверенитета какой-либо части нации или отдельным гражданам, т. е. исключает как монархию, так и демократию, основанную на принципе народного суверенитета. Суверенная власть осуществляется государственными органами, являющимися по конституции представителями нации, даже если они построены на антидемократических началах²⁵.

Так, Эсмен считает совместимыми с национальным суверенитетом лишение избирательных прав женщин, образовательный ценз, множественный вотум и т. п.

²⁴ *Carré de Malberg*. Contributions a la théorie générale de l'état. Paris, 1920. T. I.

²⁵ *Carré de Malberg*. Contributions a la théorie générale de l'état. Paris, 1920. T. I. P. 12–13.

Национальный суверенитет, толкуемый таким образом, по существу совпадает с государственным суверенитетом в немецкой формулировке, с тем лишь формальным отличием, что государство рассматривается как юридическая организация или олицетворение «нации», превращенной в метафизическую личность, отличную от индивидов, ее составляющих.

Откровенный идеолог буржуазной реакции Ориу, не принимая в целом теории государства как юридического лица (по Ориу, государство выступает как юридическое лицо только во внешних сношениях), все же теснейшим образом связывает государственный и национальный суверенитет. Вся теория Ориу проникнута бешеной ненавистью к народу, страхом перед массами, отвращением к революционному прошлому Франции.

Ориу противопоставляет национальный суверенитет как суверенитет «нации» – «социальной группы в корпоративном смысле, вместе со всей своей социальной и политической организацией, следовательно, со всеми своими правящими классами и как со своим правительством, так и со своим народным классом», – власти народа как коллектива, «в котором смешаны все слои и классы и в котором нет порядка...», который представляет собой «возврат к орде, стаду, толпе, возврат к тому, что в социологии называют стадным состоянием». Нация – это «корпоративная и органическая концепция, включающая принцип порядка». Народ, или демос, представляет собой «антикорпоративную и неорганическую концепцию»²⁶.

Правда, Ориу допускает также возможность «народного суверенитета», но этот «суверенитет» выражается лишь в «праве присоединения» к велениям государственной власти, личных гарантиях и судебной власти, осуществляемой судьями от имени народа. Здесь из понятия народного суверенитета выхолащиваются последние остатки политической власти. Ориу противопоставляет, таким образом, понимаемый «народный суверенитет» как юридический суверенитет настоящему, политическому суверенитету, обнимающему законодательную, исполнительную и избирательную власть. Только политический суверенитет создает право. Юридический суверенитет в лучшем случае заключается в праве требовать, чтобы политический суверенитет соблюдал им же создаваемое право. Ясно, что здесь идет речь лишь о тени или фикции суверенитета.

Таким образом, французские теории периода Третьей республики вытравливают демократическое содержание принципа национального суверенитета, открыто ставя себя на службу буржуазного порядка²⁷. Стирается, по существу, грань между теорией национального суверенитета и старой теорией «доктринеров» Ройе-Коллара, Гизо, провозглашавших «суверенитет разума» и видевших воплощение этого «разума» в собственности как показателе «политической способности» граждан.

2

Начало новейшего этапа в истории буржуазной доктрины суверенитета относится ко времени окончания Первой мировой войны. Теперь это – буржуазная доктрина эпохи всеобщего кризиса капитализма. В ней выражены особенности новейшего развития монополистического капитализма, характеризующегося обострением всех противоречий империализма.

В обстановке обострения классовых противоречий буржуазная теория ставит своей целью обоснование незыблемости буржуазного государства, отражая при этом различия в методах буржуазного господства в различных странах.

²⁶ Ориу. Основы публичного права. М., 1929. С. 588.

²⁷ Термин «национальный суверенитет» употребляется в двух различных смыслах: 1) суверенитет нации как политической общности. В этом смысле данный термин употребляется в цитированных положениях Эсмена, Ориу и др.; 2) суверенитет нации как исторически сложившейся, устойчивой общности экономики, языка, территории и психического склада, выражающейся в общности культуры. В данной работе этот термин в дальнейшем употребляется нами повсюду во втором смысле.

Обострение междуимпериалистических противоречий и усиление империалистической экспансии находят прямое отражение в теориях суверенитета. Эти теории «обосновывают» новые методы империалистической экспансии и закабаления слабых народов. Если открытая агрессия ссылалась на извращаемый ею принцип суверенитета, ложно толкуемый как неограниченный произвол в международных отношениях (фашизм), то империалистическая экспансия, проводимая более утонченными методами так называемой «долларовой» дипломатии, ищет свое обоснование в теориях, отрицающих суверенитет или требующих его «пересмотра».

В качестве прикрытия при этом используют международную организацию. После Первой мировой войны такой организацией была Лига Наций. После Второй мировой войны делаются попытки приспособить к этой цели Организацию Объединенных Наций.

Характерной особенностью буржуазных правовых теорий последних десятилетий является их более тесная связь с различными буржуазными философскими школами и течениями.

«Классическая» юридическая школа в Германии складывалась в период, когда самая идея философии была в значительной степени дискредитирована в буржуазной идеологии, когда преобладал взгляд, что развитие отдельных наук, как естественных, так и общественных, по существу не оставляет места для философии как особой и самостоятельной, а тем более ведущей науки.

Картина начинает меняться уже с конца XIX в., когда вновь усилившиеся в условиях новой стадии капитализма философские идеалистические течения начинают оказывать значительное влияние на отдельные отрасли науки в буржуазных странах и, в частности, на буржуазную юридическую науку. Буржуазная юриспруденция бросается в объятия мистики и метафизики. Расхождения между отдельными направлениями в ней непосредственно отражают расхождения между отдельными философскими оттенками, школами и школками, свидетельствующие о растущем разброде в буржуазном идеологическом лагере. В Германии неокантианство вдохновляет Штамлера и «чистую теорию права» Кельзена, находящегося также под влиянием фрейдизма. Впоследствии в кельзенской школе все с большей силой пробивается гуссерлианство (Шрейер), которое представлено также и рядом других теоретиков-юристов, сторонников феноменологии (Рейнах). Особенно сильное влияние оказывает гуссерлианство на так называемую теорию социального права Гурвича, которая становится наряду с кельзенизмом одним из наиболее влиятельных течений буржуазной науки права в тридцатых годах. Если неокантианские школы права занимают «левый» фланг буржуазной науки, а гуссерлианцы – центр, то правый фланг все более тесно смыкается с неогегелианством (Биндер, Ларенц), которое стало господствующей доктриной права в «Третьей империи».

Во Франции сильное влияние на буржуазных правоведов оказывает интуитивизм Бергсона и неотомизм, в Англии и США – логистическая школа Росселя, различные направления прагматизма, этого типичного продукта американизма в философии.

Так, американец Г. Когэн, излагая теорию лейбористского идеолога Ласки, отмечает не только влияние социолога Баркера и юристов Дюги, Краббе, но и философа Вильяма Джемса (отца прагматизма) и «инструменталиста» Дьюи, психолога Мак-Доугола²⁸. К этой «окрошке» надо прибавить еще Росселя. Несомненна связь социального плюрализма Ласки с социально-политическими упражнениями Росселя (ныне докатившегося до проповеди атомной войны против СССР) о децентрализации власти, передаче государственных функций добровольным организациям, с превращением государства в «арбитражный суд». Хотя некоторые авторы и пытаются отрицать прямую связь между общеправовой концепцией Росселя («логическим атомизмом», «нейтральным монизмом», т. е. некоей разновидностью махизма)

²⁸ *Cohen H. E. Recent theories on sovereignty. 1937. P. 126.*

с его социально-политическими взглядами, сам Россель признал наличие, если не логической, то во всяком случае «психологической» связи²⁹.

Влияние новейших философских школ лишь ускорило разложение старой «классической» юридической школы, происходившее в основном под воздействием обострения социально-политических противоречий в капиталистическом мире. Эта школа соответствовала периоду относительно устойчивого соглашения между германско-прусской монархией, с одной стороны, и крупной национально-либеральной буржуазией – с другой. Как учение о государственном суверенитете и правовом государстве отражало этот компромисс? Государственный суверенитет был противопоставлен народному суверенитету, но в то же время суверенное государство понималось как правовое государство, государство, связанное правом. Не только оба момента вместе, но и каждый в отдельности носили на себе печать того же классового компромисса. Государственный суверенитет превращал монарха из собственника власти в орган государства. С другой стороны, связанность суверенного государства правом имела характер самосвязывания, самоограничения государства.

Крушение кайзеровской Германии, установление Веймарской республики и развернувшаяся в ее лоне политическая борьба, в первую очередь обострение классовых противоречий, новое международное положение побежденной Германии – все это поколебало основы «классической» юридической доктрины. Этому же способствовали новые философские веяния: умам, изощрявшимся в Марбурге, Оренбурге и Геттингене, позитивизм юридической школы казался наивным, примитивным.

Разложение юридической школы теоретически выразилось в том, что категории: суверенитет, государство, право, которые юридическая школа пыталась примирить в идее суверенитета правового государства, приходят в резкое столкновение друг с другом, а самое представление о суверенитете правового государства объявляется внутренне противоречивым. На этой основе происходит известное размежевание теорий, отражающее расхождения в вопросе о методах буржуазной диктатуры. Одни, выдвигая на первый план момент права, провозглашают суверенитет права, превращая государство в орган права или даже сводя само государство к понятию права или правопорядка, изгоняя из него момент реальной силы («Macht»). Таковы теории нормативистов: Краббе, Зомло, такова «чистая теория права» Кельзена, мечтающая о том, чтобы построить государство без государства, подобно тому как строится психология без души (разумеется, совершенно ложная аналогия). Здесь доведена до логического конца та юридизация государства, которая была начата «классической» юридической школой. В результате испаряется само государство, а вместе с ним и суверенитет.

Другие направления, выдвигая на первый план государство, утверждают суверенитет государства, открыто отказываясь вместе с тем от старого идеала правового государства, делая ударение не столько на правовом, сколько на неправовом и даже противоправном характере суверенности государства, на возможности для суверенного государства утверждать себя и против права. Такова теория Геллера, еще прикрывающая себя фиговым листочком «народного верховенства», такова открытая фашистская «теория» Карла Шмитта, ставшего главным государствоведом «Третьей империи». Эта теория довела до логического конца свойственный и классической юридической школе апофеоз силы («Macht») государства, в результате чего испарилось право.

Характерной чертой буржуазных теорий последних десятилетий является усиление течений, отрицающих принцип суверенитета. Мы видели, что к этому приходят нормативисты, представляющие одно из главных течений буржуазной юриспруденции. Но к этому же приходят и представители второго главного течения буржуазной юриспруденции (нефашистского толка), по видимости, как бы стоящие на противоположной методологической позиции, а именно

²⁹ См. статью Росселя в американском сборнике «The Philosophy of B. Russel».

социологи (Дюги, Ласки и др.). Если нормативисты отвлекаются от фактического, реального момента в суверенитете, то социологи игнорируют его юридическую сторону. В обоих случаях результат один – суверенитет исчезает, как и его носитель – государство как организация власти. Нормативисты растворяют государство в системе абстрактных, безличных норм, а социологи – в системе общественных сил. Таким образом, нормативисты и социологи приходят к одному и тому же выводу, хотя и различными путями. Это различие путей объясняется тем, что нормативизм и социологизм представляют собой различные формы проявления реакции буржуазной юридической мысли на марксизм, на его растущую и необоримую силу. Нормативизм пытается спастись от марксизма полным изгнанием всего социального из права, решительным противопоставлением сущего и должного. «Социологи» опасаются, что такого рода откровенный отрыв от социальной действительности может дискредитировать буржуазную науку. Отсюда их стремление поддаться под марксизм, вернее, противопоставить ему свое социологическое «объяснение» права и государства, в котором всячески затушевывается классовый характер государства.

Отрицание суверенитета «обосновывается» в буржуазной науке различными способами. Наиболее распространенными из них являются следующие: 1) теория правового государства; 2) юридический монизм; 3) социальный плюрализм.

Еще полвека назад Прейс противопоставлял суверенитету, как понятию «римскому» и абсолютистскому, «германское» самоуправление и правовое государство. С точки зрения Прейса, суверенитет как понятие, несовместимое ни с международным, ни с государственным правом, т. е. вообще с каким бы то ни было правовым регулированием государственной власти, должен быть отброшен как понятие, отражающее отношения давно минувшей эпохи абсолютизма.

Эта весьма поверхностная концепция в дальнейшем сочетается у Кельзена и венской школы вообще с юридическим монизмом, а у Дюги и Ласки – с социальным плюрализмом.

Ласки продолжает по существу тенденции Прейса и Дюги, переводя их из плоскости права в плоскость откровенно политическую. Что касается венской школы, то она в лице Фердросса, оставаясь в юридической плоскости, в своем отрицании суверенитета под видом сведения его к внутренней компетенции государства подчеркивает принцип юридического монизма и примата международного права над правом национальным.

Юридический монизм утверждает несовместимость международного права и суверенного государственного правопорядка. Отсюда логически возможны либо отрицание международного права в пользу суверенитета, т. е. доктрина абсолютного, неограниченного суверенитета, представленная Гегелем, Остином, Цорном, Лассоном, в дореволюционной России – Шершеневичем, либо отрицание суверенитета в пользу международного права. Именно к этому и склоняются юридические монисты. Представителями данной доктрины являются Кельзен Фердросс, Ссель и другие современные юристы, занимающие весьма влиятельное положение в современной буржуазной юриспруденции. Первое направление отражает метод неприкрытого международного разбоя и экспансии; второе – метод империалистической экспансии, прикрываемый лозунгами «равных возможностей», «открытых дверей», «западных блоков», «Соединенных Штатов Европы» и т. п.

Еще до Первой мировой войны Яценко, отмечая противоречие между интересами монополистического капитала и государственным суверенитетом, прямо указывал на то, что «социальная задача международного права – поддержать интересы всемирного капитала против исключительности отдельных государств».³⁰ Таким образом, отрицание суверенитета связыва-

³⁰ Яценко. Теория федерализма. Юрьев, 1912. С. 808.

лось с концепцией «ультраимпериализма», которая была вскоре подвергнута уничтожающей критике Лениным³¹.

Носителями этой тенденции в период 1918–1939 гг. являются не только прямые идеологи Антанты, как Политис, но и те представители австро-германских кругов, которые в тесном сближении с западными державами-победительницами и в утверждении примата международного права над национальным видели путь к восстановлению международных позиций стран побежденной коалиции.

Отсюда и планы «пан-Европы», «Европейской федерации», «Соединенных Штатов Европы» и так далее с их плохо прикрытой антисоветской направленностью.

Со времени Второй мировой войны проблема международной организации приобрела несравненно более сложный характер.

Образование Организации Объединенных Наций в целях предотвращения и подавления агрессии, предоставление ей права создания международных вооруженных сил – все это знаменует серьезный сдвиг в международном праве, выдвигая с неизбежностью новые моменты в вопросе о суверенитете. Вместе с тем с большой силой проявляется в империалистических кругах, в частности в США, стремление использовать международную организацию для целей, ничего общего не имеющих с ее подлинными задачами, и, в частности, для установления мировой гегемонии США, и для этих же целей весьма расширительно толковать ее компетенцию под флагом ревизии принципа суверенитета. Такой же характер имеют столь усиленно выдвигающиеся с различных сторон в период войны и в послевоенный период планы восточноевропейских, или центрально-европейских, или западноевропейских федераций или конфедераций, западных блоков, «объединенной» Европы и тому подобных комбинаций, предполагающих отказ государств от их суверенитета в пользу небольшой клики держав-гегемонов.

«Научным» выражением всех этих тенденций как в довоенный, так и в послевоенный период служат теории отрицания суверенитета под флагом юридического монизма, социального плюрализма и т. п.

«Одним из направлений идеологической „кампании“, сопутствующей планам порабощения Европы, является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идей „всемирного правительства“. Смысл этой кампании состоит в том, чтобы приукрасить безудержную экспансию американского империализма, бесцеремонно нарушающего суверенные права народов, выставить США в роли поборника общечеловеческих законов, а тех, кто сопротивляется американскому проникновению, представить сторонниками отжившего „эгоистического“ национализма. Подхваченная буржуазными интеллигентами из числа фантазеров и пацифистов идея „всемирного правительства“ используется не только как средство давления в целях идейного разоружения народов, отстаивающих свою независимость от посягательств со стороны американского империализма, но и как лозунг, специально противопоставленный Советскому Союзу, который неустанно и последовательно отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов, больших и малых»³².

Однако, несмотря на все попытки изгнать из права и политики принцип суверенитета, этот принцип обнаружил свою устойчивость и жизнеспособность в новых условиях.

³¹ Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XIX. С. 146–151; 166–170.

³² Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. Госполитиздат, 1948. С. 34.

3

Для того чтобы разобраться в новейших эпигонских буржуазных теориях суверенитета, необходимо вновь вернуться к основным направлениям буржуазной науки XIX – начала XX в. в данном вопросе.

Старая немецкая юридическая школа выдвинула ряд общих положений по вопросу о суверенитете (социально-политический смысл которых был вскрыт выше), оказавших значительное влияние на всю дальнейшую трактовку этой проблемы в буржуазной науке.

К этим положениям относятся: а) формально-юридическое понимание суверенитета, б) суверенитет как *свойство* государственной власти, а не как сама государственная власть, в) тезис о том, что собственно носителем суверенитета является не какой-либо орган и не народ, а само государство как личность.

По вопросу об определении самого суверенитета как свойства государственной власти юридическая школа не пришла к единой точке зрения. Представителями этой школы были даны различные определения суверенитета³³.

Идеи немецко-юридической школы, как мы уже видели, с известными вариациями нашли распространение и в других буржуазных странах. В Англии, в частности, они влились в тот поток политико-юридических теорий, источником которого было учение Остина и который носил название «аналитической школы».

Суверенитет является кардинальным понятием в учении Остина. Суверен – это высшая власть в независимом политическом обществе, от которой исходит все положительное право в государстве. «Высшая власть, ограниченная положительным правом, это явное противоречие в терминах». Но Остину еще чуждо понятие государственного суверенитета. Носителем суверенитета является орган государства, в Англии – парламент, точнее, король в парламенте. Здесь Остин по существу лишь повторяет Блэкстона. Поэтому Остин считает, что «действительно независимым является не общество, а лишь суверенная часть этого общества», т. е. лица, обладающие в нем высшей властью. Таким образом, суверенитет парламента у Остина открыто выступает против народа, который целиком относится к «несуверенной части общества». Однако Остин, выражая рост удельного политического веса буржуазии, вынужден признать, что суверенитет одной части парламента, а именно палаты общин, есть суверенитет, доверенный ей избирательным корпусом, т. е. самими общинами, буржуазно-помещичьей верхушкой, которая в то время составляла избирательный корпус.

Общины представляют собой составную часть суверенного или верховного органа, осуществляя свои суверенные права непосредственно при избрании палаты общин и через представителей во всех других делах³⁴. Остин допускает, что представительство может иметь двоякий характер: речь идет либо о делегировании полномочий представителям на началах доверенности, либо об абсолютном и безусловном делегировании; в последнем случае представительный орган в течение срока своих полномочий полностью занимает место избирательного корпуса и обладает суверенитетом. В первом случае могут действовать либо юридические, либо моральные санкции. Юридические санкции предполагают, что избирательный корпус наделен непосредственно законодательной властью и суды могут признать недействительным акт представителей, противоречащий акту высшей легислатуры – избирательного корпуса. По мнению Остина, в Англии отношения между делегирующим корпусом и представительным корпусом или между общинами и палатой общин – это отношения доверенности, подкрепленные, однако, одной лишь моральной санкцией. В этом смысле палата общин обладает сувере-

³³ Обзор различных определений суверенитета см. в работе *Палиенко*. Суверенитет. Ярославль, 1903.

³⁴ *Austin*. Op. cit. Vol. I. P. 245.

нитетом: «Король, лорды и члены палаты общин образуют тройственный („tripartite“) орган, являющийся сувереном или верховным органом». Правда, «говоря более точно, члены палаты общин являются лишь доверенными того корпуса, которым они избираются и назначаются, и, следовательно, суверенитет всегда пребывает в короле, пэрах и избирательном корпусе общин». Однако поскольку палата общин подлежит лишь моральной санкции, то из доктрины Остина вытекает именно ее юридический суверенитет. Так шатается Остин между блэкстоновской традицией и новыми запросами буржуазии.

Концепция Остина послужила основанием для теории политического и юридического суверенитета, развитой либеральным представителем аналитической школы конца XIX – начала XX в. Дайси. Согласно Дайси, юридическим сувереном является парламент (в Англии); избирательный корпус является политическим сувереном. Избирательный корпус не может, по Дайси, рассматриваться как юридический суверен, ибо суды не признают волю избирателей как норму положительного права. «Судьи не знают воли народа, кроме той, которая выражается парламентскими актами...»³⁵. Дайси упрекает Остина в смешении понятий юридического и политического суверенитета. Введение понятия политического суверенитета было уступкой принципу «национального суверенитета», но уступкой весьма иллюзорной, поскольку акты политического суверенитета были тут же объявлены не имеющими юридического значения. Такое значение признано лишь за актами короля в парламенте.

Принцип политического суверенитета избирательного корпуса используется нередко в целях торможения всякого прогрессивного законодательства. Одним из выражений этого, в частности, является принцип мандата, согласно которому в важнейших политических вопросах парламент может поддерживать лишь те мероприятия кабинета, а кабинет может предлагать лишь те мероприятия, на проведение которых имеется прямой «мандат» избирательного корпуса. Так, консервативная оппозиция объявляет те или иные неудобные ей мероприятия, например робкие попытки лейбористов ограничить права палаты лордов, не основанными на мандате избирателей, требуя либо отказа от них, либо проведения новых выборов.

Шаг в сторону сближения английской аналитической школы с немецкой был сделан Брауном, издателем и комментатором Остина³⁶.

Развернутую юридическую концепцию государственного суверенитета на англо-саксонской почве под прямым влиянием немецких теорий дает американец Уиллоуби.

Теория Уиллоуби служит ярким выражением антидемократизма и реакционности современной науки государственного права США, отказывающейся от старых джефферсоновских традиций и концепций народного суверенитета.

По теории Уиллоуби, государство может рассматриваться с различных точек зрения, однако «аналитическая политическая философия» рассматривает государство как орудие («instrumentary») создания и реализации права. С этой точки зрения политически организованная группа индивидов должна рассматриваться как образующая единство, представляющее собой личность в юридическом смысле слова, т. е. как существующий в представлении носитель юридических прав и обязанностей. Это представление о юридической личности государства и ведет к суверенитету как заложенной в данной личности высшей воле, являющейся источником правомерности любого агента или любого лица, подвластного государству. Суверенитет – это верховная юридически легитимирующая воля («supreme legally legitimizing will») государства. В содержание этого понятия входит правовая компетенция или юрисдикция, которая должна рассматриваться как неограниченная. Суверенитет есть правовое всемогущество («legal omnipotence») государства. Суверенитет предполагает абсолютную компетенцию государства. Само государство устанавливает границы правового регулирования; и, в частности,

³⁵ Дайси. Основы государственного права Англии. М., 1907. С. 87.

³⁶ Mattern. Concepts of state, sovereignty and international law. 1928. P. 52–54.

сфера гражданских и политических свобод личности есть лишь та сфера интересов, которую государство желает видеть защищенной от нарушений со стороны частных лиц или должностных лиц государства³⁷. Так, в теории Уиллоуби, под напором неприглядной американской действительности и влиянием немецких идеологов прусско-юнкерской полуабсолютистской монархии, испаряются «традиционные» идеи англо-саксонского «индивидуализма». Отсюда уже недалеко и до теории субъективных прав как рефлексов права.

Если Уиллоуби по существу повторяет немецкие теории прошлого столетия, то сама немецкая юридическая школа вступила в лице «венской школы» Кельзена в новый этап своего развития, вернее, своего разложения.

Нет надобности следовать за никчемными юридико-логическими вывертами кельзеновской теории. Эта насквозь идеалистическая теория в вопросе суверенитета остается верной своим общим посылкам³⁸. Из отождествления государства и правопорядка вытекает, что суверенитет государства есть лишь свойство правопорядка, а именно, свойство невыводимости («Nichtableitbarkeit») из какого-либо другого правопорядка. При этом Кельзен понимает самую выводимость формально. Здесь речь идет не о выводимости содержания одних норм из других (например, частных норм из соответствующих общих), но о чисто формальной выводимости значимости норм права или всего правопорядка из другой нормы или высшего правопорядка, отнюдь не определяющей самого содержания «выводимой» нормы низшего правопорядка. По Кельзену, выводима лишь значимость нормы, в то время как содержание ее может свободно определяться соответствующими органами. Таким образом, выводимость – это связанность определенным порядком создания норм права, установленным другим, «высшим» правопорядком, – даже если этот «высший» правопорядок ни в какой мере не преддрекает содержания этих норм. Выводимость одного правопорядка из другого Кельзен рассматривает как делегирование последним известных полномочий первому.

Теория Кельзена примыкает к учению о суверенитете права, верховенстве безличных норм права. Представителями этих учений можно считать Кокошкина³⁹, Елистратова⁴⁰ (в его дореволюционных работах), Краббе⁴¹. Эта теория «отвлекается» от того обстоятельства, что правовые нормы являются нормами права именно потому, что они установлены или санкционированы личностями, представляющими господствующий класс в государстве.

И согласно Кельзену, господствующей может считаться только норма, ибо власть любого правителя имеет силу лишь на основании вышестоящей нормы, а потому должна рассматриваться лишь как заполнение некоей бланкетной нормы. Если данная норма не может быть выведена из какой-либо, выше ее стоящей, если источник ее значимости заложен в ней самой, – то она принадлежит к наивысшему, а следовательно, суверенному правопорядку.

При таком формальном и абстрактном понимании государства и права, игнорирующем реальный характер как самого государства, так и общения государств, маскирующем юридическими фикциями классовый характер государства, нет ничего удивительного в том, что Кельзен в конце концов приходит к рассмотрению отношений между международным правом и государством как отношений делегирования, т. е. «выводимости». С точки зрения Кельзена, международно-правовой принцип эффективности как признак суверенности государств есть не что иное, как делегирование международным правопорядком известных полномочий государственному правопорядку, что по существу означает уже отрицание суверенитета в пользу международного права и превращение самого государства в «частичный правопорядок».

³⁷ Willoughby. The fundamental concepts of public law. 1924. P. 82.

³⁸ Учение Кельзена о суверенитете систематически изложено в работе «Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts». Цит. по 2-му изд. 1928 г.

³⁹ Кокошкин. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 204.

⁴⁰ Елистратов. Очерки государственного права. М., 1915. С. 6.

⁴¹ Krabbe. Die Lehre der Rechtssouveränität. S. 47.

После известных колебаний, нашедших свое выражение в монографии о суверенитете 1920 г., Кельзен твердо встал именно на эту точку зрения отрицания государственного суверенитета.

Теория венской школы в этом вопросе находит поддержку и в теории «социального права» Гурвича, и в теории французского международного юриста Сселя, представителя «интегрального юридического монизма». Ссель считает, что самая идея суверенитета несовместима с идеей правовой межсоциальной системы. Международное право не может гарантировать неприкосновенность сферы внутренней компетенции государств⁴².

Таков путь Кельзена и его последователей из лагеря юридического монизма к отрицанию суверенитета. Это путь крайнего формализма и нормативизма, игнорирования, вернее, затушевывания и искажения реальных отношений в области государства и права (подробный критический разбор теорий Кельзена, как и ряда других буржуазных теорий, дан в следующих главах настоящей части).

Словесным противником Кельзена и одним из влиятельных государствоведов Веймарской республики был Герман Геллер, посвятивший проблеме суверенитета специальную монографию⁴³. Герман Геллер принадлежит к идеологам крайне правых и националистических элементов германской социал-демократии, открыто выдвинувшим лозунг «назад к Лассалю»⁴⁴. Естественно, что это выражалось прежде всего в концепции государства. Геллер доходит до утверждения, что учение Маркса и Энгельса об отмирании государства было вызвано необходимостью для них «конкурировать» с мелкобуржуазными анархистами. Маркс и Энгельс не хотели-де отстать от Бакунина и Прудона. Это – отвратительная попытка оправдать свое собственное нежелание отстать от буржуазных идеологов государства, свой переход на позицию лассальянства, ведущего, в свою очередь, к Гегелю, к которому можно возвести ряд моментов геллеровской концепции суверенитета.

В этой концепции Геллер выступает как бы противником учения Кельзена, которого он обвиняет в «денатурировании» государства. Впрочем, в этом, по мнению Геллера, Кельзен является лишь продолжателем Лабанда – Еллинека, превративших государство в юридическое лицо, т. е. фикцию или в лучшем случае в абстракцию. Геллер противопоставляет этим концепциям взгляд на государство как на реальную силу, как на решающую инстанцию в социальной жизни. Геллер даже подчеркивает, что научная юриспруденция невозможна «без постоянного учета социологически-эмпирических факторов». Однако эти факторы он понимает по-своему, как и подобает идеологу реформизма, решительно отказываясь признать в государстве орудие классового господства. Извращая действительность, он видит в государстве орудие межклассового «примирения», которое выражается-де в том, что даже рабочие, выступающие против тех или иных государственных законов, ссылаются при случае на рабочее законодательство того же самого государства, тем самым якобы декларируя свое признание государства. В точно таком же положении находится, по его мнению, и предприниматель, который, «скрепя сердце», мирится с неприемлемой для него формой правления или социальным законодательством, поскольку государство гарантирует ему неприкосновенность частной собственности. Таким образом, государство якобы в равной мере является государством как предпринимателей, так и рабочих. Социальная функция государства, являющаяся ключом к постижению суверенитета, заключается в обеспечении «совместного функционирования всех общественных актов на данной территории». В основе государства лежит «всеобщая воля» – воля народа как воля межклассовая и надклассовая, направленная якобы на интересы, общие всем классам, составляющим народ. «Народ» в этом смысле является носителем суверенитета, гаран-

⁴² Scelle. *Precis du droit des gens*. T. II. P. 6.

⁴³ Heller H. *Die Souveränität*. Berlin; Leipzig, 1927.

⁴⁴ Heller H. *Sozialismus und Nation*. Berlin, 1925.

том единства правопорядка на данной территории. Таким образом, суверенитет государства, по Геллеру, возможен лишь как «народный суверенитет», осуществляемый на основе принципа большинства и принципа представительства. Кокетничая с принципом народного суверенитета, Геллер обвиняет представителей классической юридической доктрины в том, что их «государственный суверенитет» на деле сводился к суверенитету органов и, в частности, к монархическому суверенитету, поскольку государство не могло мыслиться вне органов иначе, как бесплотная абстракция. Но ясно, что Геллер лишь заменяет одну искусственную абстракцию такой же бесплотной абстракцией или, вернее, фикцией, ибо фикцией являются «всеобщая воля» и общий интерес «единого» народа, в действительности разделенного на классы с непримиримыми антагонистическими интересами. Эта фикция прикрывает вполне реальный классовый интерес буржуазии.

Геллер критикует Кельзена с позиций «реализма» в праве. Он ставит Кельзену в упор вопрос: кто же делает право позитивным – живая историческая индивидуальная воля или «основная норма»? Всякое право, всякая норма, в том числе и основная, нуждается в той воле, которая его полагает («setzt») и проводит («durchsetzt»). Такой волей и является суверенная воля в государстве, которая создает право и поэтому стоит над правом, при случае ломает старое право, создавая новое право. Государство обладает суверенитетом в силу того, что оно является носителем решающей воли на данной территории. В понятие решающей воли или решающего волевого единства входят в качестве его признаков универсальность и действительность. Первый признак означает возможность для государства выносить окончательное решение по любому вопросу общественной жизни на данной территории. Государство может, правда, отказаться от своего права вмешательства в те или иные сферы общественной жизни, но потенциальная возможность такого решающего вмешательства всегда присуща государству. Действительность означает фактическую возможность проведения своих решений. Наличие этих признаков, исключающих подчинение какой-либо другой воле, конституирует суверенитет государства. Суверенным мы называем то решающее единство, которое не подчинено никакому другому универсальному, действительному, решающему единству. Во всех этих рассуждениях Геллера совершенно игнорируется, маскируется классовое содержание суверенитета.

Суверенитет является условием всякого положительного права, ибо нужна именно суверенная власть для того, чтобы обязывать всех членов общества правом. «Мы видим сущность суверенитета в способности полагать («positivieren») высшие обязывающие общества правовые положения»⁴⁵. Суверенная власть стоит над всякими правовыми положениями, она связана лишь «этическими конституирующими правопринципами», или правовыми «основоположениями», представляющими собой в концепции Геллера естественное право в новом издании. Находясь над правом, суверенная власть тем самым может ломать всякое право, может утверждать себя против всякого права. По-прежнему отвлекаясь от классового содержания, Геллер всячески подчеркивает надправовой характер суверенитета как существенный его признак. Здесь наиболее резко проявляется разрыв Геллера с либеральной концепцией правового государства. И недаром социал-демократ Геллер открыто признает себя обязанным «образцовым» работам Карла Шмитта, вдохновителя фашистской доктрины.

Эти же тенденции Геллера с полной силой проявляются и в его трактовке вопроса о соотношении суверенитета с международным правом. Геллер, правда, обещает совместить суверенитет с международным правом, однако это оказывается ему не под силу, и в конце концов международное право улетучивается перед лицом грозной действительности «решающего единства суверенитета государственной власти», которая может утверждать свой суверенитет не только против национального права, но и против международного права. По Геллеру, нормы

⁴⁵ См. указанные ранее сочинения Геллера.

международного права – не только договорного, но и обычного – покоятся на их открытом или молчаливом признании со стороны государства. Международно-правовые обычаи делаются обязательными только в результате их практикования («*Ubung*») суверенными государствами. Таким образом, эти нормы не могут считаться обязательными для государств, отказывающихся их признавать и практиковать. Что касается договорного международного права, то за государством остается право отказаться от заключенного им договора, и в этом праве опять-таки с наибольшей рельефностью выступает суверенитет государства. Это, в частности, относится к борьбе государства за свое существование. В данном случае государство может не признавать действительности каких-либо международно-правовых норм, подвергающих угрозе его существование. Более того, любое суверенное государство вправе освободиться от любых своих договорных обязательств по отношению к другому государству путем... завоевания последнего. Международное право, по утверждению Геллера, не может регулировать ни возникновения, ни гибели государства. Международная организация совместима с суверенитетом лишь в том случае, если она основана на принципе единогласия всех членов и добровольности. И Геллер остается вполне последовательным, когда он заявляет: «Не существует единого международного правового порядка и даже общего международного права в смысле права одинакового, подчиняющего себе все существующие государства. То, что именуется международным правом, представляет собой собрание некоторого числа отдельных более или менее общих правовых положений и еще большего числа правовых основоположений» (которые, как мы знаем, Геллер не относит к положительному праву). Таким образом, фактически международное право исчезает, либо превращается во «внешнее государственное право». В любом рассуждении Геллера сквозит мотив германского империализма, заранее оправдывающего агрессию и насильственную ревизию Версаля.

6

Если Геллер в теоретической области выступает как противник Кельзена, то дальнейшее развитие его школы (в частности, в лице эмигрировавшего в США Нимейера) ведет к значительному сближению со школой Кельзена.

Нимейер разделяет с Геллером отрицание понятия личности государства, даже как фикции или абстракции, и признание роли государства как организующего центра общественной активности на определенной территории. Однако Нимейер отказывается «от реализма» Геллера и переходит на позиции «актуализма» и «функционализма», навеянные ультрасовременными, буржуазными, идеалистическими, философскими (например, теорией Кассирера) и физическими концепциями, сводящимися к растворению субстанциальности, материальности вещей в функциях, отношениях, действиях и т. п. Нимейер ссылается на физику Эйнштейна, физиологию Клода Бернара, биологическое учение Кэрролла – вплоть до новейших архитектурных теорий, как на «доказательства» того, что понятия субстанции, реальности, материи «устарели» и должны быть заменены понятием «функции», «отношения», «актуальности». Для теории права Нимейер делает тот вывод, что право не имеет дела с реальными индивидами, будь то физические или юридические лица, а только с «трансперсональной взаимосвязанностью» или отношениями, возникающими в процессе реализации тех или иных функций. Личности для права не существуют вне этих отношений и связей. Это относится и к государству. Государство – лишь координирующий центр общественной активности на определенной территории. Суверенитет – это лишь «правовое формулирование той идеи, что общая синхронизация социальной жизни требует унифицированной схемы планирования с помощью организации, которая потенциально может охватить все стороны культуры и которая поэтому предполагает организующий орган («агенсу»), потенциально превосходящий по мощи все другие силы в данной социальной сфере». Сей длинной речи короткий смысл заключается в том, что суверенитет в

классовом государстве якобы лишь обеспечивает осуществление тех функций, в которых заинтересовано все общество. При этом государственной власти приписывается не свойственная буржуазному государству планирующая и организационная деятельность, а функция прямого подавления и военная функция исчезли неизвестно куда. Международные связи возникают в силу того, что определенные социальные функции выходят за рамки отдельных государств и осуществляются координированными силами государства. Международное право – это законы межгосударственной функциональной координации. «Государство функционирует как организация единства социальной координации. Эта организация действует то обособленно, то в координированности» (с другими организациями).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.